

ISSN 1606-951X

***Личность
Культура
Общество***

★ **PERSONALITY**

★ **CULTURE**

★ **SOCIETY**

2017 ТОМ XIX

ВЫПУСК 3-4 (95-96)

ISSN 1606-951X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

Личность Культура Общество

Международный журнал
социальных и гуманитарных наук

Том XIX. Вып. 3-4. №№ 95–96

ТЕМА ВЫПУСКА: ЧЕЛОВЕК И РЕВОЛЮЦИЯ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Москва 2017

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати

Свидетельство о регистрации № 018755 от 29 апреля 1999 г.

Лицензия ИД № 02739 от 4 сентября 2000 г.

Национальные отделения журнала:

Россия (Российская академия наук, Институт философии)

Беларусь (Национальная академия наук, Институт социологии)

**Украина (Национальная академия наук, Институт мировой экономики
и международных отношений)**

ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО.

2017. Том XIX. Вып. 3-4 (№№ 95-96). 308 с.

ТЕМА ВЫПУСКА: ЧЕЛОВЕК И РЕВОЛЮЦИЯ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Журнал посвящен изучению междисциплинарных и фундаментальных проблем социально-гуманитарных наук. Главная тема его публикаций – человек в культуре и обществе. Он предназначен для исследователей и преподавателей, студентов и аспирантов, работающих как «внутри», так и «на стыке» социально-гуманитарных наук, в т.ч. философии и культурологии, социологии и социальной антропологии.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных результатов докторской и кандидатской диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по философии, социологии и культурологии.

Периодичность выхода журнала – 4 (2 двоенных) выпуска в год

Индекс издания в каталоге Роспечати – 79734

Порядок рецензирования статей и материалов, а также требования к их оформлению размещены в конце каждого выпуска и на сайте журнала (см.: www.lko.ru).

За разрешением на перепечатку или перевод материалов, опубликованных в журнале, обращаться непосредственно в редакцию.

Журнал открыт для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
Официальные органы журнала	5
+ Колонка редактора	
РЕЗНИК Ю.М. (<i>Москва, ИФ РАН</i>) Человек революционный: штрихи к портрету	7
+ Классическое наследие	
ДЖЕЙМС У. Принципы психологии. Глава 10. Сознание Я	27
ШЛЕЙЕРМАХЕР Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов	46
+ Вопросы теории и методологии	
ДОКУЧАЕВ И.И. (<i>Владивосток, ДФУ</i>) Бытие как очевидность: феноменологическая редукция и ноэтико-ноэматическая корреляция	63
КУЗЬМИН А.А. (<i>Великий Новгород, НовГУ</i>) Радикализм идеи априорной науки о жизненном мире Гуссерля и современность	80
МИХАЙЛОВ И.Ф. (<i>Москва, ИФ РАН, РАНХиГС</i>) Онтология сознания в философии и когнитивных науках	87
+ Русская революция: истоки и смысл	
БЕКАРЕВ А.М. (<i>Н. Новгород, НИИГУ им. Н.И. Лобачевского</i>), ПАК Г.С. (<i>Н. Новгород, НИИГУ им. Н.И. Лобачевского</i>) Революция – дело недовольных	102
ГРАНИН Ю.Д. (<i>Москва, ИФ РАН</i>) Исторические трансформации большевистского проекта (1917–1929)	109
СМИРНОВ С.А. (<i>Новосибирск, НГУЭУ</i>) Философ и революция. К событийности биографий	121
+ Экспертиза	
Современная отечественная философия: люди, система идей и институты (С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, С.В. Комаров, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров, А.М. Орехов, К.С. Пигров, М.А. Пронин, В.И. Разумов, Ю.М. Резник, В.М. Розин, О.А. Скоркин, И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Щербина)	131
+ Научные доклады	
ФИЛОСОФИЯ	
МАСЛОВ В.М. (<i>Н. Новгород, НГТУ</i>) Визуальная критика «Критики чистого разума» И. Канта	199
СОЦИОЛОГИЯ	
АНТОНОВА К.А. (<i>Москва, НИУ ВШЭ</i>) Понятие «городской ассамбляж»: идейные источники и «пересборка» критической теории в городских исследованиях	206
БУШМАРИНА Н.Н., СТЕПАНОВ Н.А. (<i>Рязань, РГРТУ</i>) Электоральное антиэкстремистское сознание учащейся молодежи (социологический аспект)	213
ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ А.А. (<i>Москва, РГУФКСиТ</i>) Конкретно-социологические и формально-логические методы, используемые при подготовке магистерских и кандидатских диссертаций	218

СОЦИОЛОГИЯ

UDC 316.4

1606-951X.2017.2.2218

К.А. АНТОНОВА

ПОНЯТИЕ «ГОРОДСКОЙ АССАМБЛЯЖ»: ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И «ПЕРЕСБОРКА» КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: В статье дан обзор споров вокруг понятия городского ассамблажа и концепции ассамблажного урбанизма, возникшей в городских исследованиях в начала 2010-х гг. в результате попытки соединить критическую городскую теорию с акторно-сетевой теорией (ACT). Прослежен генезис этой концепции, проанализированы разные точки зрения на ее возможности и ограничения, представленные как у ее сторонников, так и у ее критиков.

Abstract: The article provides review of debates around the concept of urban assemblage and assemblage urbanism developed in urban studies in early 2010s as a result of attempts to combine critical urban theory with actor-network theory (ANT). The genesis of this conception is traced and different positions on its possibilities and limitations, both of its adherents and critics, are analyzed.

Ключевые слова: ассамблажный урбанизм, городской ассамблаж, агентность, акторно-сетевая теория, городские исследования, исследования неравенства.

Keywords: assemblage urbanism, urban assemblage, agency, actor-network theory, urban studies, inequality studies.

В условиях продолжающейся урбанизации многие схемы и понятия в городских исследованиях теряют чуткость к происходящим изменениям: рассмотрение неравенств через призму «города» и «села» [5], «право на город» [12; 13], раздельное описание пространства современного города в терминах «физического» и «виртуального» и т.д. В ответ на это создаются новые способы концептуализации. Один из последних – «ассамблажный урбанизм», преподносимый как «альтернативная онтология для города» [10, 8–13]. В центре этой концепции, нашедшей отклик у социологов [3], социальных географов [4; 15] и сторонников ACT, – понятие *ассамблажа*, восходя-

Антонова Ксения Александровна – аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: kantonova@hse.ru.

шее к понятию агентности Ж. Делёза [5, 227] и обозначающее эффект социоматериального взаимодействия между людьми и нечеловеками в рамках сетевой организации. Предполагается, что для изучения городской мобильности, транспорта, производства и функционирования публичных пространств, средств «дополненной реальности» и т.д. трактовка социального действия как «распределённого» методологически продуктивнее, а аналитическая работа с элементами сети в условиях неопределенности – более гибкий инструмент для решения научных задач и задач городского планирования и развития территорий. В то же время отмечается многозначность «городского ассамбляжа» как аналитической категории [5, 233], связанная с ее междисциплинарным характером. Далее будут рассмотрены дискуссии, развернувшиеся в 2010-е гг. вокруг этой концепции, и выявлена ее специфика.

Истоки дискуссии о городских ассамбляжах

В социологических исследованиях города преобладают исследования в духе критической теории: город рассматривается как «производимое» и «проживаемое» пространство, как место конфликта интересов в борьбе за «право на город» и, шире, как процесс урбанизации. Под «критической теорией» подразумеваются, прежде всего, работы А. Лефевра, Д. Харви, М. Кастельса и П. Маркузе.

Экономический кризис 2008-2009 гг., когда пошатнулись устоявшиеся системы городского управления и по Европе прошла волна протестов, привел к новой постановке «вопроса о городе» и попыткам переосмыслить то, что делается в современных критических исследованиях города.

Н. Бреннер, П. Маркузе и М. Майер выделили основные траектории, по которым развиваются эти исследования: анализ системных пересечений капитализма и процесса урбанизации (в том числе изменение соотношения социальных сил и властных отношений), пространственное неравенство, маргинализация и исключения по этническим, классовым и др. признакам в существующих городских конфигурациях, противоречия современного городского устройства и разработка стратегий развития городов с целью достижения социально справедливых и устойчивых форм городской жизни [7, 179]. Бреннер уточнил, что для критической урбанистики важны также идеологии, критика которых позволяет вскрыть механизмы неравенств, рожденных капиталистическим городом [8, 198].

В результате появилась концепция «города, удобного для жизни», или «города для людей», связанная, прежде всего, с именем Я. Гейла, а в социологии – с работами Д. Харви [12]. Это потребовало исследования и развития общественных пространств, значимых для «удобного» города, и воссоздания публичных пространств из некогда «пустых» мест.

Параллельно был поднят вопрос о том, как в современных условиях преобразуется привычное восприятие неравенства в соотнесении с осями «центр–периферия» и «город–пригород» [21]. Особенно остро этот вопрос встал в связи с технологическим оснащением городской инфраструктуры, активным производством технологий «дополненной реальности», трансляцией повседневной жизни через соцсети и распространением удаленных форм занятости. Наличие/отсутствие доступа к всемирной сети стало определять для людей границы «городского». Зарождающийся интерес к материальной стороне «городского» отмечает А. Рой. Он пишет, что для изучения городов XXI в. важно уже не столько различие формальных/неформаль-

ных границ города и хинтерланда, сколько анализ гетерогенности и множественности городской повседневности [19, 821-824]. Эта идея восходит к «новой городской повседневности» и понятию «трансчеловеческой городской социологии» Э. Амина и Н. Трифта: «Материальные объекты, в том числе скрыто присутствующие природные явления и технологии, биологические сущности и животные, представлены как часть или *продолжение* человеческой жизни в городе» [3, 107-108]. Публичное пространство переопределяется при этом как пространство, опосредованное телекоммуникационными технологиями, обладающими определяющей и мобилизующей силой.

Таким образом, после «поворота к материальному» город мыслится как «город-машина», как технологизированный порядок, конструируемый множеством объектов-в-отношениях, скрытый ритм которых порождает и регулирует все аспекты городской жизни [3, 110]. Отсюда и возникло понятие «городской ассамбляж».

Понятие «городской ассамбляж»: дискуссии и контексты

К. МакФарлейн считает, что введение понятия ассамбляжа призвано не заменить критическую традицию, а лишь обновить привычные схемы определения города и городской жизни [15]. Прежде всего это касается методологии (фокусировка на описании исследуемых феноменов как процессов) и способа концептуализации (зимствуется понятие агентности у Ж. Делёза). Критический настрой городских исследований сохраняется, но соединяется с новыми теоретическими ресурсами. Из ресурсов акторно-сетевой теории МакФарлейн предлагает присмотреться к идее «сборки» и гетерогенному восприятию пространства, а также к скрытой организации практик и их последствий в материальной среде [3]. Ассамбляж, вслед за Делёзом, определяется как «множественность устанавливаемых гетерогенных состояний и их отношений» [15, 207].

В критической городской географии к этому подходу близки концепции городского метаболизма [23], киберурбанизма [11] и социоприроды города [4], в которых очевидно влияние АСТ. В киберурбанизме М. Ганди в фокус внимания ставятся разные вариации взаимосвязи телесных и машинных образований в современном городе, определяемые через неравенство и эксклюзию в условиях расщепленного (виртуального и материального) публичного пространства. И. Фариас «децентрализует» город, поскольку притязания различных городских групп на «город», воспринимаемые ранее как полярные, видятся в оптике АСТ как множество одновременно протекающих процессов образования и закрепления социотехнических сетей, гибридных коллективов и альтернативных топологий, в которых ресурсы не привязаны к конкретным индивидам, а сосуществуют в сети наравне с ними.

Переопределению подвергается и понятие политического: «ассамбляж» переводит принятие коллективных решений в формат реакции на (пере)формирование или мобилизацию альянсов разных групп. Поскольку эти альянсы пребывают в состоянии неопределенности и переплавки, то участники сетевого взаимодействия идентифицируются не через предписанный статус (формы собственности), а через возможность войти в тот или иной ассамбляж и способность его пересобрать, которая со временем может быть ограничена. Такое видение города получило название «ассамблажный урбанизм» и стало динамично развиваться.

Н. Бреннер и его коллеги критикуют онтологические допущения МакФарлейна. Они ставят проблему «контекста контекстов»: по мере того, как в сеть вовлекается все

больше элементов (между которыми распределено социальное действие), значимость всех акторов заметно снижается. Также, по их мнению, одного описания содержания и генезиса городской сети недостаточно для научного анализа: без внятной теоретической рамки неясны принципы включения/исключения элементов сети, а пространство воспринимается как реляционно переопределенная полнота [5, 237]. В качестве выхода предлагается совместить ассамбляж с городской политэкономией, вернув в «сеть» концепты, связанные с накоплением капитала и коммодификацией, отношениями собственности, эксплуатацией и пространственным разделением труда [5, 230].

Брэннер приводит 3 уровня взаимодействия идеи ассамбляжа и политэкономии: эмпирический (ассамбляж – объект исследования, концепты из политэкономии – предмет), методологический (исследование фактов, описываемых в политэкономии, методами акторно-сетевой теории) и онтологический (ключевые концепты из политэкономии вытесняются «ассамблажем» как «альтернативной городской онтологией» и такими понятиями, как *городская материальность и инфраструктура*, куда входят здания, скоростные шоссе и дорожное движение, системы коммуникации и неформальные поселения, *междугородные сети*). Последний уровень наименее устойчив и часто критикуется как «наивный объективизм», не выдерживающий сравнения с исследованиями в русле критической теории; предполагается, что наиболее продуктивны первый и второй уровни.

К. Дави занимает сторону МакФарлейна и поддерживает переход на новый концептуальный аппарат, который, по его мнению, жизнеспособнее в условиях современной глобальной урбанизации [9, 348]. Он апеллирует к Делёзу и категории «территория», которая с точки зрения ассамбляжа переосмысливается как процесс территориализации-детерриториализации-ретерриториализации. Это направляет внимание на описание процессов пространственной сегментации, связанных с детерриториализацией рынка, и созидающей территориализации архитектуры и городского дизайна, что близко к понятию «(пере)сборки» в АСТ.

Радикальный ответ на критику Брэннера даёт И. Фариас. Отвергая идею синтеза двух теорий, он обосновывает это тем, что «ассамблажное мышление определенно не ладит с пониманием критики, в основе которой лежит определение власти как ресурса, которым владеет правящий класс, а знания – как идеологического конструкта, подлежащего разоблачению» [10, 365].

Выделяется 4 пункта нестыковки критического и ассамблажного урбанизмов: 1) прежняя критика, опирающаяся в основном на теорию, не замечает гетерогенность (не)человеческих акторов и оставляет нечётко определённым сам объект критики, а подробное изучение генезиса объекта в духе АСТ позволяет достичь новой «эмпирической» критики; 2) нужно различать исследования города как места проявления внешних процессов и как самостоятельно развертывающегося процесса; так, в исследованиях глобальных городов и цифровой экономики город уже не является подходящим объектом для критики или объяснения логики капитализма, утратившего привязку к пространству [10, 368]; 3) понятие «ассамблаж», в отличие от понятия «структура», ведет к исследованию пространственной множественности, образующей город; 4) в этих теориях предполагаются разные перспективы политических изменений: в одной – демократизация и образование активных аудиторий, вовлечённых в производство знания и трансформацию своего окружения, в другой – перестройка общества путем революций [10, 371].

МакФарлейн, отвечая на доводы коллег, ставит новые вопросы, в частности, касающиеся «ассамбляжной политики». Заявляя, что любые порядки – результат случайного достижения в ходе непрерывной работы сетей, он пытается переопределить властные неравенства через понятия *множества* (биополитический эквивалент «общины») и *освободительных ассамбляжей*, порождающих институции, направленные на «пересборку» свободы и равенства [16, 386]. Достижение единения через различия, тем не менее, не является конечной точкой, так как в ситуациях стабильности сетей устранялись бы противоречия, запускающие процесс агентности. Исследования городских ассамбляжей открывают нам истории провалов и реорганизаций жизни городских объектов.

Ряд социологически значимых аспектов ещё более усложняет эту дискуссию. М. Акьюто проблематизирует перевод ассамбляжной сборки в пространственные категории (регион, территориальное разграничение) и обратно: исследования в стиле АСТ способны отследить геометрии власти дальше географических категорий и могут «уловить» капитализм не как абстрактный процесс, а как сочленение конкретных социоматериальных отношений в конкретной зоне городского пространства [1, 555].

К. Ранкин на примере своего исследования коммерческой джентрификации Торонто показывает, как дисбаланс сил «городских агентностей», проявляющийся на уровне генплана, фактически изменяет облик города [18, 566]. Наличие *предпочтительности* того или иного ассамбляжа можно расценивать как потенциал для организации нового «права на город», но интереса для внешних акторов он не представляют, поэтому политика ассамбляжей пока неспособна дать отпор капитализму [22, 549]. Х. Анджело отмечает связь глобальных процессов и городской повседневности через «совместную чувствительность» и «соотнесенность», игнорируемые МакФарлейном и Бреннером при обсуждении медиации вещей [2].

Ряд проблем связан с практическим применением ассамбляжного подхода. Может ли он существовать вне наследия политэкономии или постструктурализма? Как он связан с социальным активизмом? Б. Расселл и коллеги отмечают, что ученые предпочитают деполитизировать понятия критической социальной теории, становясь легкой мишенью для критики [20, 577]. Взамен предлагаются сопроизводство знания о «возможном» в группах и разработка стратегий «работы с ассамбляжами» в современном метрополисе; предполагается, что знание о формировании социальных сущностей можно использовать для выстраивания социальных движений, обладающих политической силой.

Серьезной критике подвергает ассамбляжный урбанизм Ф. Тонкисс. Ее беспокоят склонность ассамбляжного урбанизма к злоупотреблению списками, в которых перечисляются составляющие ассамбляжа; зачастую исследования замыкаются на этих перечнях, так и не переходя к анализу «агентности» вещей (а он выдается за основное преимущество данного подхода). «Насыщенное описание» у МакФарлейна не похоже на то, что имел в виду К. Гирц: как только дело доходит до критического анализа, вводятся категории извне («власть», «эксплуатация», «угнетение» и т.п.), что ведет к проблеме «контекста контекстов». Все это, вкупе со склонностью к тавтологии в описаниях, затрудняет оценку действительной научной новизны этого подхода [24, 587]. Возможно, ассамбляжный урбанизм – просто веяние моды и подмена критического описания действительности.

Перспективы ассамблажного урбанизма

Приведенный обзор позволяет по-новому взглянуть на город и поднять несколько важных вопросов. Хотя главные участники дискуссии – МакФарлейн и Бреннер – остались в итоге при своём мнении, отметим, как развивалась позиция МакФарлейна: от идеи ассамблажного урбанизма, зовущей представителей критической мысли по-новому соединить критику с политическим действием через создание социоматериальных гибридов, – к оформленному способу концептуализации и методологии исследования города и городских процессов. Современный город способен расти за счет вовлечения в новые глобальные сети и соединения.

Понятия «ассамблаж» и «агентность», включая в анализ текущие практики, развертывающиеся процессы упорядочения социоматериальных отношений, производство асимметрий в распределении ресурсов и власти, деконструкцию скрытых (капиталистических) процессов, дают новый взгляд на капиталистические отношения, при котором важно не только описать «сборку» процесса, но и объяснить роль вещей как медиаторов в организации действия. Такие описания помогают выявить множественность форм выражения, которые понадобятся при производстве различий и формировании новых сетевых соединений [17, 734–735]. В идеале «городской ассамблаж» – это набор «переводов» для социотехнической сети, и предпочтителен теоретический плюрализм, позволяющий легко адаптировать этот концепт к ситуациям и контекстам.

Бреннер в свою очередь акцентирует слабые стороны ассамблажного урбанизма: чрезмерное увлечение микровзаимодействиями и обобщением открытых социоматериальных форм, непроработанность теоретического аппарата для объяснения структурных и институциональных властных взаимодействий, недостаточность критики в «критических» замечаниях [6, 742]. Для него капитализм остается центральным свойством города, поддерживающим все формы неравенства, конфликты и столкновения на территориях, а доступными для исследований ассамблажей остаются лишь материальная среда, агентности вещей, организация инфраструктуры, проявления территориальных изменений в городе и проявления новых форм глобальных процессов.

Итак, концепция ассамблажного урбанизма занимает неустойчивую позицию. Она тяготеет к излишней политизации своих наработок или к описаниям, имеющим сомнительную объясняющую силу. Для многих она остается лишь методологическим приёмом, поэтому не исключено развитие концепции либо в сторону дополнительного концептуального обогащения и расширения, либо в сугубо эмпирическую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Acuto M. Putting ANT into the mille-feuille // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 570–576.
2. Angelo H. Hard-wired experience: Sociomateriality and the urban everyday // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 570576.
3. Amin A. Re-thinking the urban social // *City*. – 2007. – Vol. 11. – P. 100–114.
4. Bender T. Reassembling the city: networks and urban imaginaries // *Urban assemblages: how actor-network theory changes urban studies*. – N.Y.: Routledge, 2010. – P. 303323.
5. Brenner N., Madden D., Wachsmuth D. Assemblage urbanism and the challenges of critical urban theory // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 225240.
6. Brenner N., Madden D., Wachsmuth D. Between abstraction and complexity: Meta-theoretical observations on the assemblage debate // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 740–750.

7. Brenner N., Marcuse P., Mayer M. Cities for people, not for profit // *City*. – 2009. – Vol. 13. – P. 176-184.
8. Brenner N. What is critical urban theory? // *City*. – 2009. – Vol. 13. – P. 198-207.
9. Dovey K. Uprooting critical urbanism // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 347-354.
10. Farias I. The politics of urban assemblages // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 365-374.
11. Gandy M. Cyborg urbanization: complexity and monstrosity in the contemporary city // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2005. – Vol. 29. – P. 26-49.
12. Harvey D. *Social justice and the city*. – L.: University of Georgia Press, 2010. – 355 p.
13. Lefebvre H. *State, space, world: selected essays*. – L.: University of Minnesota Press, 2009. – 315 p.
14. Madden D.J. Revisiting the end of public space: assembling the public in an urban park // *City & Community*. – 2010. – Vol. 2. – P. 187-207.
15. McFarlane C. Assemblage and critical urbanism // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 204-224.
16. McFarlane C. On context: Assemblage, political economy and structure // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 375-388.
17. McFarlane C. Encountering, describing and transforming urbanism // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 731-739.
18. Rankin K. Assemblage and the politics of thick description // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 563-569.
19. Roy A. The 21st-century metropolis: new geographies of theory // *Regional Studies*. – 2009. – Vol. 6. – P. 819-830.
20. Russel B., Pusey A., Chatterton P. What can assemblage do? Seven propositions for a more strategic and politicized assemblage thinking // *City*. – 2011. – Vol. 5. – P. 577-583.
21. Sassen S. New frontiers facing urban sociology at the Millennium // *The British journal of sociology*. – 2000. – Vol. 1. – P. 143-159.
22. Swanton D. Assemblage and Critical Urban Praxis (in four parts) // *City*. – 2011. – Vol. 15. – P. 225-240, 343-346, 548-551, 727-730.
23. Swyngedouw E. Metabolic Urbanization: The Making of Cyborg Cities // *In the Nature of Cities: Urban Political Ecology and the Politics of Urban Metabolism*. – N.Y.: Routledge, 2006. – 271 p.
24. Tonkiss F. Template urbanism: four points about assemblage // *City*. – 2011. – Vol. 3-4. – P. 584-588.

Поступила в редакцию 17.09.2017г.